

Ю. В. Стулов

РАСА, ГЕНДЕР, ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ АФРОАМЕРИКАНСКОМ РОМАНЕ

Пожалуй, мало какая другая ветвь американской литературы развивалась в последние десятилетия так стремительно, как литература афроамериканцев. Процессы, характеризующие ее на современном этапе, имеют большое значение в контексте интер- и кросскультурного взаимодействия различных ветвей литературы США. Они отражают серьезные изменения в общественно-политической жизни страны, определившие выдвигание социально маркированных групп (этнических, расовых, феминистских, сексуальных меньшинств), которые бросили вызов традиционному формированию литературного канона.

Расовая проблема всегда была ключевой в афроамериканской литературе, а вопрос идентичности оставался важнейшим для всех поколений афроамериканских литераторов — от Филис Уитли и Фредерика Дугласа до Терри Макмиллан и Рэндалла Кенана. Самоидентификация для героев афроамериканской литературы, которые считали себя «сыновьями Америки», представляла собой мучительный процесс, так как поиск себя для черного американца ассоциировался с психологическими и физическими травмами. Ведь только белый человек находился в положении власти, подчиняя себе меньшинства и заставляя их играть по своим правилам. В многочисленных произведениях афроамериканской литературы подчеркивается, что попытки черного американца достичь цельности требуют большого мужества и огромных усилий, так как необходимо бороться с вековыми стереотипами в расовых отношениях, насаждавшимися с того момента, когда первую партию черных рабов привезли на американский континент. Именно властные отношения определяют страхи и фрустрации афроамериканцев, которым непросто принять себя, поскольку чернота в сознании американцев традиционно ассоциировалась с грязью, подчинением и поражением. Еще Джеймс Болдуин признавался: «Когда я был маленьким, нам было стыдно за то, что мы черные. Если кто-нибудь называл тебя черным, он оскорблял тебя» [1, р. 123]¹. А герой его первого романа «Иди, вещай с горы» Джон Граймс, просыпаясь в день своего четырнадцатилетия, пытается отмыться, «обелиться», стыдясь своего черного тела, но ему это не удается. И тогда «Джон подумал со стыдом, ужасом, но и тяжелым сердцем: тот, кто грязен, пусть и остается грязным» [2, р. 24].

Участие черного населения и других меньшинств США в борьбе за гражданские права принесло свои плоды, в том числе выразившиеся и в избрании первого чернокожего президента страны. На общественно-политический климат последних десятилетий оказали свое воздействие и политика так называемого «положительного действия», и принципы политической корректности, и идеология мультикультурализма. Однако, несмотря на заметные успехи в решении расовой проблемы, современное американское общество, по мнению выдающегося афроамериканского писателя и философа Чарльза Джонсона, «весьма балканизировано в расовом, социальном, этническом, религиозном, классовом и гендерном отношениях» [3]. Поэтому важнейшей задачей различных групп

¹ Здесь и далее — перевод автора.

© Ю. В. Стулов, 2010

населения стало выработать такую повестку дня, которая позволит достичь истинного равноправия в мультикультурном и полиэтническом обществе, способствуя улучшению общественных нравов.

Афроамериканская литература, почувствовав дух этих перемен раньше других этнических литератур США, сумела отразить его в адекватных художественных формах, подвергая анализу такие взрывоопасные вопросы, как рабство, расизм, мужской шовинизм, сексизм, белые и черные мифы. В центре внимания многих авторов — проблема свободы как состояния человеческого ума и пути ее достижения. Их особенно занимает динамика во взаимоотношениях между и внутри различных социальных, этнических и других групп меньшинств и их связь с доминантной группой и культурой. Ведь не секрет, что в этих взаимоотношениях по-прежнему существует много предубеждения, несправедливости и страхов, что связано с влиянием консервативных, патриархальных, эссенциалистских подходов. Это особенно заметно в репрезентации меньшинств внутри меньшинств, например черных женщин, сексуальных меньшинств и т. д., что связано с определением личностной и групповой идентичности, которая может быть как объединяющим, так и разделяющим фактором. В отличие от XIX в., когда борьба с рабством объединяла всех черных американцев, афроамериканская община сегодня перестала быть однородной, вследствие чего современные черные писатели США, представляющие разные социальные и гендерные группы, руководствуются в своем творчестве разными приоритетами.

Это с полной очевидностью проявилось в романе Ч. Джонсона «Мечтатель» («Dreamer», 1998) — первом художественном произведении, посвященном выдающемуся негритянскому деятелю, лауреату Нобелевской премии мира Мартину Лютеру Кингу, который пытается предложить разделенной нации программу решения расовой проблемы, обеспечивающую уверенное будущее страны. В то время как большинство авторов рассматривают Кинга как крупнейшего политического деятеля США XX в., Джонсон обращается к менее известным аспектам жизни Кинга. Выдающийся проповедник и общественный деятель, во многом изменивший ход американской истории, показан в романе в своей частной жизни как человек, который любит, ненавидит, сомневается, ищет выход из американской дилеммы. Не сомневается он только в том, что будущее страны целиком зависит от того, как будет решена расовая проблема. Пришло время действовать, но ситуация во взаимоотношениях рас накалена до предела, и апостол мира должен использовать всю свою энергию, мужество и дар убеждения, чтобы без применения насилия добиться осуществления своей мечты — увидеть народ свободным.

Однако, при всем таланте Кинга и его неутомимой деятельности, даже не все черные жители США разделяют его видение будущего страны. Чтобы подчеркнуть, сколь важна проблема идентичности, Джонсон вводит фигуру двойника Кинга, некоего Чейма Смита, который вступает в идейный спор с Кингом, мучимым тяжелыми сомнениями в верности избранной им стратегии. В задачу Смита входит заменять негритянского лидера в особо опасных ситуациях. Кинг понимает свою миссию и готов исполнить ее до конца, чего бы это ему ни стоило, но соратники опасаются за его жизнь и пытаются в наиболее рискованных ситуациях использовать двойника. Для самого Кинга важнее всего реакция на его действия черных американцев, и то, что многие отворачиваются от него, требуя радикальных решений, является предметом его мучительных раздумий, внося разлад в его внутренний мир. Ведь он стремится преодолеть трагические противоречия, пытаясь соединить христианское понимание мира с буддистским мироощущением, которое не приемлет дихотомий, и претворить свои воззрения в реальные действия, которые могли бы принести умиротворение и покой в раздираемое конфлик-

тами общество. Его мировидение синкретично, и потому вопрос идентичности для него решается иначе, чем для его соратников и оппонентов, что служит источником мучений и сомнений для Кинга.

Смит как будто служит зеркальным отражением великого провидца, но не является им на самом деле; он как будто выполняет функцию двойника-антагониста, но оказывается, что и это не вполне так, поскольку Кинг и Смит — не антиподы; они слишком отличаются и по уровню своего мышления, и по способности определить стратегию действий. На Смите проверяется эффективность идей Кинга, вместо которого он иногда вынужден выступать, и тогда обнаруживается огромная пропасть между видением негритянского лидера и пониманием ситуации человеком, чью усредненность Джонсон подчеркивает обычной фамилией. Смит не верит в истинность идей Кинга и отвергает их, считая их ложными и ведущими афроамериканцев в тупик. Идет борьба между мировоззрениями, и в нее включаются и зависть, и тщеславие, и неутоленные амбиции Смита. Осознавая свою ответственность за будущее страны, в критический момент американской истории Кинг готов идти до конца, отстаивая свою правоту. Он предчувствует гибель, но чувство долга и моральные принципы не оставляют ему иного выбора, в то время как его двойник растерял нравственные ориентиры и находится в состоянии конфликта и с обществом, и с собственной душой. Его мир расцентрирован, расшатан; Смит лишен каких бы то ни было опор. На зло он привык отвечать злом и верит только силе, и потому моральная чистота Кинга, который проповедует ненасилие, ставит под сомнение всю систему его взглядов. В свою очередь он провоцирует Кинга, усиливает его сомнения, и это ведет к внутренней раздвоенности негритянского лидера, чьи взгляды оказываются шире принятой в черной общине идеологии, основанной на стереотипном противостоянии «черный» — «белый». Стереотипы опасны упрощенным подходом к сложным проблемам взаимоотношений между различными группами, а тем более расами. Таким образом, основополагающая для афроамериканской литературы проблема идентичности резко усложняется, а конфронтация между Кингом и его двойником приобретает особое значение.

Для Смита идентичность прямо связана с расой, но поскольку Смит — человек, потерянный в мире, который он не может «прочитать», его идентичность не тождественна кинговской, так как для негритянского лидера расовая составляющая — лишь один из аспектов идентичности. Ведь Кинг — человек будущего, объединяющий все человечество, но это понимают только единицы. Смит не в состоянии постичь глубину взглядов своего двойника, который падает жертвой ненависти и нежелания различных социальных и этнических групп договориться по самому важному для Америки вопросу. «Мы убили его, все мы — черные и белые, — потому что мы не слушали его, когда он был жив, хотя, конечно, так всегда и бывает: нет пророка в своем отечестве», — признается один из помощников Кинга после его смерти [4, р. 235]. Потребовалось время, чтобы идеи Кинга начали превращаться в реальные дела, меняющие расовую ситуацию в стране. Америка услышала его призыв к переменам, и это перемены, рожденные любовью, — как и хотел Кинг: «Чувствуйте потребность быть значимыми. Чувствуйте потребность быть первыми. Но я хочу, чтобы вы были первыми в любви. Я хочу, чтобы вы были первыми в своих моральных качествах. Я хочу, чтобы вы были первыми в великодушии. Вот, что я хочу, чтобы вы сделали. . . » [4, р. 234].

Джонсон, философ и мыслитель, пытающийся сочетать рационализм западной философии с положениями буддизма и африканской религиозной мысли, не признает бинарных оппозиций. Для него эволюция, через которую проходит Смит в конце романа, чрезвычайно важна, так как она символизирует сам процесс — «как все, что обуслов-

лено, меняется, растет и исчезает» [3]. Трансформация в сознании Смита происходит только через смерть Кинга.

Идентичность человека не является, по мысли Джонсона, постоянной, четко фиксированной, а меняется под влиянием самых разных событий — и крупного, и мелкого масштаба. К концу романа по-другому ощущает себя Кинг; меняется Смит; преобразуется общество. Проблема идентичности получает у Джонсона, таким образом, оригинальное толкование. Если для писателей предыдущих поколений понятие идентичности в первую очередь связывалось с расовым компонентом и преодолением комплекса неполноценности в силу своей черноты, то для Джонсона расовая составляющая уходит на периферию, выдвигая на передний план идею принадлежности к мирозданию за счет преодоления бинарных оппозиций.

Не меньший интерес представляет решение данной проблемы в творчестве черных писательниц США, где она наложилась на гендерную составляющую. В последние десятилетия XX в. литература черных женщин стала предметом серьезного академического изучения и доминировала в исследованиях афроамериканской литературы. Она дала таких выдающихся писательниц, как Тони Моррисон, Тони Кейд Бамбара, Элис Уокер, Мей Анджелоу, Одре Лорд, Пол Маршалл, Нтозаке Шанге, Глория Нейлор, чьи произведения были отмечены многочисленными национальными и международными премиями, в том числе и Нобелевской. Возникла даже мода на литературу черных писательниц, о чем пишет Ч. Джонсон: «Попросту говоря, в литературном мире имело место сконцентрированное усилие продвигать творчество черных писателей-женщин (многие из них среднего уровня) за счет черных писателей-мужчин. Нужно понимать, что с исторической точки зрения черные мужчины всегда представляли для белых мужчин большую угрозу, чем черные женщины. Эта ситуация уходит к самому раннему периоду рабства в Америке. Для белого мужчины черный мужчина — соперник в том, что касается работы, женщин и т. д. Поэтому белым было легко поддерживать черных женщин по сравнению с черными мужчинами» [3].

Черные писательницы ворвались в литературу на пике движения за гражданские права, в котором некоторые из них (например, Э. Уокер) приняли самое активное участие. Их произведения открыли целый невидимый континент — мир черных женщин. В своих книгах они рассказывают истории женщин, которые на протяжении столетий подвергались дискриминации, унижению и сексуальной эксплуатации, но были при этом практически невидимы. Сейчас они получили шанс проявить себя. Идентичность для них имеет свое значение. Даже более молодое поколение, к которому принадлежит весьма популярная Терри Макмиллан, убеждено, что, несмотря на все успехи черных женщин в борьбе за свои права, подлинное равенство остается острым вопросом в отношении этнических, феминистских и других групп меньшинств. Будучи представительницами этнического меньшинства, они при этом испытывают значительно большие сложности в самореализации, чем даже черные мужчины, поскольку они подвергаются дискриминации и по гендерному принципу, и по расовому, и по классовому, чем объясняется воспитываемое в них едва ли не с первых дней рабства чувство униженности и презрение к себе и своему телу. Права на идентичность им пришлось добиваться с огромным трудом. Поэтому в своем протесте против патриархальных норм и доминирования мужчин (черных в том числе) они призывают женщин вырабатывать положительное отношение к себе и своему физическому естеству и потребность в самосозидании.

Гендер во многом отражает те проблемы, с которыми американское общество столкнулось в последние десятилетия XX в. Афроамериканская литература сконцентрирована

лась на тех аспектах личности, которые, как пишет М. Фуко, «позволяют индивидуумам выполнить собственными средствами или с помощью других некоторое количество операций на собственном теле, душе, в своих мыслях, поведении и способе бытия, чтобы измениться с тем, чтобы достичь определенного состояния счастья, чистоты, мудрости, совершенства или бессмертия» [5, p. 18].

Черные женщины, которые так долго подвергались различным формам дискриминации и насилия, теперь не боятся утверждать, что черная женщина обладает собственной идентичностью, которая отличается от идентичностей других групп, в том числе расовых и гендерных. Процесс самоидентификации для них имеет особый смысл, поскольку в мужском каноне черная женщина всегда рассматривалась как бессловесный объект желания; у нее своей воли быть не может. Ее тело никогда ей не принадлежало, а душа никого не интересовала. Канон четко закреплял роли, которые было дозволено исполнять черной женщине: мать, матриарх, мамушка, домашняя прислуга, рабыня на плантации и черная распутница, но они ни в коей мере не могли выразить глубину ее внутреннего мира и сложность ее положения. Поэтому черные писательницы посчитали своей важнейшей задачей представить многообразие судеб черных женщин, которые большинство из них описывают с позиций так называемого «черного феминизма» («womanism» в терминологии известной афроамериканской писательницы Элис Уокер), считая политику «черного феминизма» важнейшей для своих черных сестер. Их книги подчеркивают, как сильно белые и черные, мужчины и женщины пропитаны расовыми и сексистскими предрассудками, и направлены на уничтожение стереотипов и разрушение власти над собой белых и черных мужчин, которые держали их в подчинении на протяжении столетий. Они не скрывают, что произведения искусства «должны быть политическими» [6, p. 332]. По их мнению, именно мужское доминирование, навязывающее обществу мужские ценности, игнорируя существование других принципов и взглядов, повинно в человеческих травмах и извращенной картине мира.

Поэтому столь значительное место в исканиях их героинь занимают самоопределение, разнообразие возможных путей в жизни и самореализация — все то, в чем им отказывалось. К тому же понятие черноты по-разному трактуется разными группами и классами: то, что важно для одной группы, не обязательно важно для другой. А ценности, которые белое общество навязывало черной женщине, во многом разрушительны для нее, так как отрицают ее право на идентичность. Роль литературы они видят по преимуществу как воспитательную, просветительскую и реформаторскую, поскольку благодаря книгам афроамериканских писательниц черные женщины смогут научиться лучше понимать себя и свои жизненные приоритеты и бороться за изменение своего положения в обществе. В достижении этой цели черные писательницы могут как пересекаться с писателями-мужчинами, так и вступать в открытый спор с ними.

В этом отношении показательна позиция одной из наиболее интересных и радикальных черных писательниц США Нтозаке Шанге, сознательно изменившей данное ей при рождении англо-саксонское имя Полетт Уильямс на африканское. Она утверждает: «Я сознательная феминистка. Я использую имеющиеся у меня средства как феминистка, реконструирующая историю. <...> Все, что я пишу и уже написала, исходит с позиции человека, для которого в центре всего — женщина» [7, p. 726]. Это определяет цели творчества как самой Шанге, так и многих ее коллег. По ее признанию, свою задачу она видит в том, чтобы показать борьбу черной женщины за то, чтобы «стать всем, что запрещено, всем, что отобрано у нас в силу гендера, всем, что мы забыли» [8, p. 2519].

Уже в первом своем романе «Сассафрасс, Сайпресс & Индиго» («Sassafrass, Cypress & Indigo», 1982) писательница показывает сложный и противоречивый жизненный опыт трех сестер, чьи поэтические имена, взятые из названий растений, выведены в заглавие романа. Отдельные главы, посвященные каждой из женщин, открываются графическими изображениями шафрана, листка кипариса и индиго, выполненными самой писательницей, которая уделяет серьезное внимание оформлению своих произведений, подчеркивая тем самым свое понимание искусства как синтеза разных видов искусств. В творческой деятельности сама она пытается проявить разные грани своего таланта, выступая как драматург, режиссер, исполнительница, танцовщица, художник и т. д.

Преодолев множество испытаний, ее персонажи постигают мудрость жизни, пройдя через мучительный и болезненный процесс самопознания и поняв наконец свое предназначение. Ее героини осмелились заявить о себе как о самостоятельных личностях, которые, пусть ценой болезненных ошибок, находят свой путь в жизни. А он далеко не прост: есть принятые нормы и табу, общественное мнение, давление близких. Выстоять им помогает творчество, которое по-разному реализуется каждой из сестер. С первых страниц Шанге воспевают творческое начало женщины, воспринимаемой как великое чудо, которое невозможно объяснить. Это с особой силой проявляется в главах, посвященных Индиго, младшей из сестер. Писательница поэтизирует женщину, которая, по ее мнению, обладает редчайшим даром облагораживать мир и делать его прекрасным: «Где женщина — там и волшебство. Если из ее рта падает луна, то тогда это женщина, которая знает свои чары, и она может поделиться, а может и не поделиться своим даром. Женщина, у которой изо рта падает луна, между ног розы, а диадемы из “испанского мха”, — такая женщина общается с духами» [9, р. 3]. Женщины Шанге — неотъемлемая часть мира природы с его красотой и чудесами, в то время как созданный человеком урбанизированный механистичный мир — это постоянная угроза не только человеческому естеству, но и самой жизни. Потому столь важна для Шанге эмоциональная реакция женщин на патриархальные установки созданного мужчинами мира с его жесткими нормами, которые они подвергают сомнению в юные годы и отвергают в зрелости. В идентичности ее героинь пересекаются раса, гендер, класс, сексуальность, и результатом становится преображенная личность женщины, которую воспевают писательница. Для нее сексуальность — это важный канал власти над другими, и, показывая злоупотребление властью мужчинами (действия мужа Сассафрасс Митча вполне укладываются в определение «сексистские»), Шанге делает сексуальность полем боя в борьбе против гендерного неравенства. Когда Сассафрасс слышит обидное стихотворение с обценной лексикой, которое Митч посвящает «всем черным женщинам во всем мире» («all y'all black women all over the world»), она не может сдержать своего гнева. Стихотворение напоминает ей об ужасной истории черных женщин, насилии и их ранимости; для нее самое печальное — то, что его создал черный человек, которого она любит. И она взрывается, переходя на так называемый «черный английский»: «Мне оно не нравится. Я не буду сидеть тут и слушать, как кучка ничтожных ниггеров говорит о черных женщинах, обо мне и моих сестрах, как будто мы как те рабыни, кого покупали и продавали на аукционах <...> плодившие телок, сделанных белым человеком, потому что вас всех одурманили какие-то дурацкие бусы, которые он привез вам на континент <...> ублюдки. Да, верно, ублюдки; нечего расслаиваться тут и требовать от меня славить унаследованное мною право быть изнасилованной» [9, р. 89]. Она отвергает сексистскую позицию Митча и уходит от него, чтобы начать новую жизнь, где взаимопонимание между мужчиной и женщиной возможно на равноправных началах.

Исследуя вред, причиненный личности женщины политикой расизма и мужского шовинизма, Шанге показывает зарождение в ее героинях нового мироощущения, которое стало результатом их самоидентификации. Девушки на собственном опыте познают, что обычный сценарий для женщины в мире, созданном мужчинами, резко сужает ее горизонты, и они отважно отправляются в путь, чтобы открыть свое истинное Я, которое, как они впоследствии обнаружат, постоянно меняется по мере того, как они открывают мир и самих себя. Они приобретают знание, позволяющее им наконец принять жизнь со всеми ее радостями и горестями, обнаруживая возможность обрести гордость и чувство собственного достоинства. Они учатся любить себя. Как верно замечает Дана Уильямс, ее женщины «не могут найти любовь извне, не полюбив сперва себя и друг друга... Эта тема любви к себе и самоопределения проходит через многие важнейшие произведения Шанге» [10, р. 74]. Писательница делает особый упор на женской солидарности, поскольку поддержка женщинами друг друга в некоторых обстоятельствах оказывается решающей. Они делают важное открытие: противоречия решаются не только путем противостояния, но прежде всего благодаря попытке услышать и понять другого, умению слушать и готовности услышать.

Проблема «цветной линии» во многом определяла взаимоотношения как между, так и внутри расовых сообществ. Социальные фобии превратили ее в тугой узел конфликтов, за которыми стояли тревоги, страхи и различного рода табу. Особенно сильно расизм проявлялся в личной жизни человека. Его уродующему влиянию на личность посвящены многие произведения афроамериканской литературы не только предшествующего периода, но и современных авторов, например Мелвина Диксона, Рэндалла Кенана, Алекса Д. Пейта, Ишмаэла Рида и многих других. В центре их внимания — мужчина, который должен утверждать свою мужскую идентичность с риском для жизни: некоторые из их героев погибают или кончают жизнь самоубийством. В новейшей литературе это маргинал, что далеко не случайно, поскольку именно маргинализованные группы служат децентрации, деидеологизации и дестабилизации доминантных групп, тем самым вызывая дисбаланс во властных отношениях в обществе. Писатели отвергают сложившиеся стереотипы и ценности и противостоят попыткам со стороны как общества, так и группы «нормализовать» маргинальные ячейки и отдельных индивидуумов. Ведь само понятие нормы в эпоху постмодерна лишилось смысла, поскольку постмодернистское сознание по своей природе лишено какой бы то ни было нормативности, основываясь на принципе «и... и». Литература ищет альтернативные модели взаимоотношений человека и общества, и это ярко проявилось в характере героя современного афроамериканского романа — разбалансированного, мозаичного, сомневающегося, но при этом не прекращающего поиск себя и своего места в жизни. Хотя и в афроамериканской литературе предшествующих десятилетий было нечто схожее, тем не менее пафос борьбы, стремление достичь «другой страны» помогали вынести лишения и страдания и преодолеть фрагментарность сознания. Литературные персонажи 1980–2000-х годов открыты отчаянию и боли, преследовавшим героев Дж. Болдуина или Р. Эллисона, но у них нет того стержня, который помогал выстоять. Тогда было ясно, кто по какую сторону баррикад, и были понятны цели, ради которых нужно бороться. Теперь многое закамouflировано; внешне ситуация выглядит совсем другой; афроамериканцы представлены в американском обществе на высших позициях. Однако за блеском репортажей о первой паре в Америке скрывается правда о тех, кто оказался в эпицентре урагана «Катрина» и не имел возможности выбраться из Нового Орлеана, кто по-прежнему чувствует себя человеком другого сорта. Прежде была пропасть между черными и белыми во всех сферах жизни; черные чувствовали солидарность друг с

другом, что позволяло им выступать против расизма единым фронтом, получив к тому же поддержку со стороны прогрессивно мыслящих белых. Теперь образовалась черная элита, и ее ориентиры значительно отличаются от чаяний рядовых афроамериканцев. Этот разрыв оказался весьма болезненным для значительной части черной общины, обнажив серьезные внутренние проблемы.

Проблема идентичности по-прежнему остается актуальной, и это проявляется в психологии и поступках героев современного афроамериканского романа. Они прячутся за постмодернистские игры, как, например, персонажи романа молодого писателя Дариека Скотта «Предатель расы», или прагматичны и циничны, как персонажи И. Рида. Реальность действительно другая; идеология мультикультурализма и политическая корректность сделали свое дело. Но тот комплекс неполноценности, который насаживался столетиями, не исчез. Он только принял другие формы, проявляясь в разорванном сознании, потере ориентиров и новом поиске ответов на вопрос «Кто я?»

Об этом роман «Исчезающие комнаты» («Vanishing Rooms») рано ушедшего из жизни блестящего писателя и литературоведа Мелвина Диксона, главной темой которого стала самоидентификация протагониста и его утверждение себя через преодоление чувства неполноценности из-за цвета кожи, презрения к себе, своему телу и разрушительных импульсов, вызванных внешними обстоятельствами. Маргинальность используется писателем для того, чтобы поставить под сомнение «нормативность» и власть стереотипов и культурных мифов. Доминантная культура, созданная белыми мужчинами-протестантами, выработала свои клише и стереотипы, на которые не могла не отреагировать культура меньшинства, и Диксон показывает, какими глубокими могут оказаться травмы, вызванные попыткой реализовать стереотипы. В общественном сознании они нашли отражение в идеях примата расы над гендером, гендера над сексуальностью, мужского начала над женским, нормативности над вариативностью. Взаимоотношения черного танцовщика с библейским именем Джесси и белого журналиста Джона-Майкла Барта (или Метро, как зовет его Джесси) представлены через восприятие подруги и партнерши Джесси Руэллы и убийцы Метро пятнадцатилетнего Лонни. Жестокое убийство Метро становится переломным моментом для всех трех рассказчиков, чьи голоса причудливо переплетаются, перекликаются, провоцируют реакции и создают картину жестокого мира, где отличие от «нормы», будь оно расовым, гендерным или каким-либо иным, несет смертельную опасность. И это резко осложняет возможность самоидентификации, поскольку человек боится быть самим собой и вынужден перед другими надевать некую маску, что не способствует самореализации. Проблематизация идентичности через пересечение личностного и культурного пластов в процессе идентификации помогают понять маргинальную «чувствительность» как репрезентативную для эпохи постмодерна с ее дестабилизацией традиционных ценностей и потерей оси координат.

В трактовке Диксона иерархия власти в личной сфере не менее сильна, чем в общественной. Сексизм — это такая же социальная болезнь, как расизм или классовое деление общества. В романе проблема «властной структуры», которая непосредственно затрагивает идентичность личности, показана с двух точек зрения: через взаимоотношения белого и черного, черной женщины и черного мужчины, но важно, что они взаимодействуют даже в личных отношениях не на равных. Традиционно белый стоит над черным, а мужчина — над женщиной, и это ведет к глубоким психологическим потрясениям. Сексуальность — один из каналов эссенциализма и расовой гегемонии. Проецируя свои сексуальные фантазии на Джесси, Метро превращает его в объект желания, что, впрочем, делает и Джесси в отношении Руэллы, но и Джесси, и Руэлла

отказываются быть любовными игрушками другого человека, что свидетельствует о серьезных переменах в их понимании идентичности.

Обращаясь к ключевым вопросам расы, гендера, идентичности, современные авторы отмечают изменения в сознании афроамериканцев, вызванные новым пониманием своего места в обществе и мире. Вместе с тем они выявляют проблемы, связанные с дезориентацией современного человека, и нередко выводят в качестве протагониста маргинала, что позволяет показать сознание, травмированное столетиями политики расовой и гендерной дискриминации. Разрушая культурные мифы и стереотипы, утверждая ценность человеческой личности безотносительно цвета кожи, гендера и классовой принадлежности, черные писатели Америки способствуют достижению более гармоничных отношений в обществе, значительно обновляя арсенал современной американской литературы.

Литература

1. *Mead M., Baldwin J.* A Rap on Race. London: Corgi Books, 1972. 255 p.
2. *Baldwin J.* Go Tell It on the Mountain. London: Corgi Books, 1976. 256 p.
3. *Johnson C.* Letter to Yu. Stulov. Nov. 8. 2005
4. *Johnson C.* Dreamer. New York: Scribner, 1998. 236 p.
5. Technologies of the Self: A Seminar with Michel Foucault / Eds. L. H. Martin, H. Gutman, P. H. Hutton. Amherst: Univ. of Massachusetts Press, 1988. 166 p.
6. *Morrison T.* Rootedness: The Ancestor as Foundation // Literature in the Modern World / Ed. by Dennis Walder. Oxford; New York: OUP, 1990. P. 326–332.
7. *Lester Neal A.* At the Heart of Shange's Feminism: An Interview // Black American Literature Forum. 1990. Winter. Vol. 24, N 4. P. 717–730.
8. The Norton Anthology of African American Literature. New York; London: W. W. Norton & Company, 1997. 2665 p.
9. *Shange N.* Sassafrass, Cypress & Indigo. New York: St. Martin's Press, 1982. 224 p.
10. *Williams D. A.* Contemporary African American Women Writers // The Cambridge Companion to African American Women's Literature / Eds. A. Mitchell and D. K. Taylor. Cambridge; New York: Cambridge Univ. Press, 2009. P. 71–86.

Статья поступила в редакцию 20 июля 2010 г.